

Опыт защиты прав несовершеннолетнего из тоталитарно-религиозной семьи

в украинском правовом поле

Глоба Григорий Викторович,

председатель Днепропетровского центра помощи

жертвам деструктивных культов Диалог

ranger_dp@ukr.net

Весной 2019 г. в днепропетровский центр «Диалог» обратилась девушка 2001 г. р. с жалобами на домашнее насилие. Её родители являлись прихожанами харизматической религиозной организации, а мать – также священнослужителем («диаконом») этой церкви.

Ситуация для девочки осложнялась тем, что мама работала в её же школе учителем, и это отпугивало дочь от обращения за помощью и советом к её коллегам-учителям. А других взрослых в её кругу общения просто не было, в этой семье дети были ограничены рамками школа-дом-церковь. Такое вот неожиданное возрождение принципа «киндер-кухен-кирхен» в XXI веке. Отвлекаясь от данного случая, отмечу, что некоторые харизматические организации нашего города сумели и светскую школу из этого списка исключить, открыв свою собственную школу без лицензии, при помощи манипуляций с экстернатом выдававшую аттестаты государственного образца. Там изоляция детей, контроль их круга общения и источников информации являются вообще герметичными.

Только благодаря счастливой случайности, наличию общих знакомых, девочка вышла на нашу организацию. Мы убедились, что по месту учёбы девочка характеризуется исключительно позитивно, учится на отлично, в её кругу общения также отсутствует риск вовлечения в какие-либо неблагополучные или околориминальные компании, так что столь жесткое поведение родителей обусловлено исключительно их психологическими особенностями.

Характерной особенностью именно этой харизматической общины является увлечение пастора демонологией - он активно пишет книги на тему, в которых убеждает единоверцев почаще гнать беса. Подростковое непослушание, возражения, нежелание посещать секту воспринималось родителями не иначе как бесовская одержимость. В сочетании со склонностью к рукоприкладству учение не безобидное - в мире нечасто, но с печальной регулярностью фиксируются летальные исходы от рук перестаравшихся самопальных экзорцистов.

«Превентивное» заявление – удачный инструмент защиты прав

Из рассказа девушки явно следовал вывод, что в семье сгущаются тучи. Однако семейное насилие всегда осложняется тем, что пострадавшие, как правило, морально не готовы доводить дело до юридического разбирательства с близким человеком. Поэтому мы предложили пострадавшей написать «страховочное» заявление следующей формы: «в ближайшее время я не собираюсь исчезать, менять номер телефона и место проживания, а также разрывать связи с вне-церковным окружением и друзьями. В случае длительного прекращения связи со мной, прошу считать, что я подвергаюсь незаконному ограничению свободы и принять меры к моему освобождению». Также она письменно изложила случаи насилия нарушения её прав, при этом мы договорились, что

даём заявлению ход только в вышеупомянутом случае, если родителей «понесёт», а другой возможности обратиться за помощью у неё уже не будет.

Такая форма заявления «на будущее» оказалась очень ценной, и позволила нам вмешаться даже на том драматичном этапе, когда родителям и пастору вскоре удалось полностью подавить волю ребёнка.

Юридическая база защиты прав несовершеннолетних

Несколько слов о том, в каком правовом поле нам пришлось работать. Украинское законодательство по защите прав несовершеннолетних – в целом достаточное, но «в хороших руках», если у взрослых есть желание эти нормы применять на практике.

С одной стороны, Закон о свободе совести даёт родителям право "воспитывать детей в своих религиозных убеждениях", но, с другой стороны, чётко очерчивает те пределы, за которыми заканчивается воспитание и начинается насилие, которое уже должны пресекать правоохранительные и социальные службы.

Недавно вступивший в силу Закон Украины «О профилактике и противодействии домашнему насилию» запрещает не только физическое и сексуальное насилие, но также криминализирует психологическое насилие, понимаемое как *«оскорбления, угрозы, в том числе в отношении третьих лиц (а это был именно наш случай – Авт.), запугивание, и другие действия с целью ограничения волеизъявления»*. Важно, что при этом Закон специально оговаривает: **«религиозные убеждения и традиции не могут быть оправданием для семейного насилия»**. Также к формам семейного насилия в этом Законе относится насилие экономическое. Для нас это оказалось важно, потому что у пострадавшей отбирали прежде всего средства связи - телефон, ноутбук.

Статья 174 Семейного кодекса Украины определяет право собственности ребенка на приобретённое родителями имущество, предназначенное для его развития, обучения и воспитания.

Ст. 152 того же кодекса, предусматривает право ребёнка противиться ненадлежащему выполнению родителями своих обязанностей, обращаться для защиты своих прав в государственные органы и общественные организации, а по достижении 14 лет – непосредственно в суд, и минимум один такой прецедент именно в тоталитарно-религиозной семье уже был в 2012 году.

Ст. 160 Семейного кодекса даёт право с 14 лет самостоятельно выбирать место жительства несовершеннолетним, родители которых проживают отдельно – это именно наш случай; а Гражданский кодекс (ст. 29) трактует это разрешение ещё шире – вообще всем, «за исключением ограничений, установленных законом».

Также пострадавшая сталкивалась с нарушениями тайны переписки. Родители её либо били, требуя распаролить телефон и показать переписку, либо, чтобы получить к ней доступ, проводили целые шпионские операции, со смекалкой и сообразительностью, явно достойной лучшего применения. На нарушение тайны переписки Уголовный кодекс предусматривает ответственность, причём каких-либо поблажек в связи с родственными отношениями или несовершеннолетием пострадавшего в законодательной норме нет.

Этап обострения

К сожалению, предчувствия нас не обманули, и уже через неделю девушка прекратила общение с рядом одноклассниц и друзей, заявив, что «выбрала путь к Богу». Также мы узнали от них, что по городу она передвигается только в сопровождении родителей, в школе общение с одноклассниками свела к минимуму, и в целом выглядит подавлено. Как потом оказалось, кроме собственно религиозной обработки, включающей принуждение к ритуалам экзорцизма (изгнания бесов), благочестивые родители перешли к открытым угрозам, шантажируя девушку физической расправой над любимым человеком, и при этом хвастаясь, что «у пастора есть связи в прокуратуре». Также мать угрожала совершить самоубийство, размахивая ножом, если дочь не будет подчиняться. Разумеется, семнадцатилетнюю девочку столь лютей прессинг сломал.

Поскольку ранее на данную религиозную организацию, с момента её регистрации в 2001 году, жалоб в центр Диалог не поступало, а её руководитель на фоне иных коллег характеризовался в целом позитивно, мы попытались, прежде чем обращаться в правоохранительные органы, проинформировать о ситуации пастора, и попробовать решить проблему по-хорошему. На этом этапе пастор занял конструктивную позицию, и организовал встречу семьи с нашим председателем и юристом.

На встрече мы убедились, что девушка находится под полным психологическим контролем родителей. Она просила забрать заявление, поскольку «написала его на эмоциях, чтобы насолить маме», однако при этом проговорила, что её действительно «воспитывали физически». На этом этапе мы ставили цель максимально сохранить семью и нормальные отношения в ней, надеясь образумить родителей. Мы ознакомили маму с вышеприведёнными требованиями Закона о противодействии насилию в семье, а также предупредили о последствиях для её церкви и для школы, в которой она работает учителем, если дело получит огласку. Ей была предложена помощь семейного психолога, поскольку мама призналась, что иногда не может сдерживать себя. Но, к сожалению, женщина имела стойкое предубеждение против «мозгоправов».

Пострадавшей были разъяснены её права, а также возможность при необходимости обратиться в социальную службу и правоохранительные органы за их защитой.

Эффекта от данной профилактической беседы хватило на три недели, на которые родители прекратили прибегать хотя бы к физическому насилию.

На этом этапе секта, буквально по учебнику, пыталась пресечь контакты ребёнка со всем внекультовым окружением. А мы, со своей стороны, пытались это общение максимально сохранить, плотно взаимодействуя с одноклассниками.

Стоит сказать, что с одноклассницами и подругами нашей героине очень повезло, в их лице мы имели на протяжении всего этого дела активных, принципиальных и сознательных добровольных помощников, и социальный педагог школы тоже высоко оценила их позицию.

Рецидивы

Спустя три недели произошел очень ответственный и беспокойный для нас момент, когда девушка, просившая нас о защите, перестала выходить на связь. Как оказалось, её снова закрыли

в квартире на трое суток, отобрав телефон, запретили идти на выпускной и посещать репетиции для его подготовки. Но на этот раз длительные чтения Библии и изгнания бесов уже не работали. Где-то тут родители перегнули палку, и собственно выводить девушку из секты психологически, объяснять заблуждения сектантской «демонологии» нам не понадобилось. Сектанты всё сделали за нас, за что им стоит сказать спасибо. Однако оставалась задача освободить её физически. Девушка сумела, несмотря на изоляцию, передать на волю записку «спасите меня!», после чего нами была вызвана полиция. Квартиру пришлось осаждать, поскольку открывать родители не хотели, звонили в это время пастору и консультировались, что делать.

Кроме законов, есть и специфика правоприменительной практики, а она у нас такова, что патрульная служба занимается семейными конфликтами неохотно и необходимых навыков для грамотной их оценки и решения, как правило, не имеет. Дословные цитаты: «синяков и повреждений нет, наручниками к батарее никто не приковывает, значит, нам тут делать нечего», «она ещё малая и ничего не понимает». А профильного сотрудника ювенальной превенции (бывшей КМДН) в тот момент на месте не оказалось.

В такие моменты очень важно не дать спустить дело «на тормозах», заставить принять заявление, выяснить, чего хочет потерпевший, и если он, к примеру, хочет уйти – то настоять, чтобы его права были соблюдены. Приходится буквально тыкать пальцами в статьи нормативных актов, настаивать, чтобы сотрудники полиции не уезжали, пока ребёнок не покинет квартиру. Мы к этому были готовы, подробно консультировались и с юристами, и с сотрудниками правоохранительных органов.

В этот момент решающей оказалась позиция пострадавшей, которая подтвердила, что её удерживают насильно, отобрав телефон (отчим в этот момент пытался выкручиваться «мы не отбирали, он просто разрядился»), и изъявила желание уйти к подруге, поскольку здесь она не чувствует себя в безопасности.

В райотдел были поданы три заявления, мною и двумя одноклассницами потерпевшей, в дополнение к её ранее написанному заявлению.

Существенный момент законодательства – если обычный уход несовершеннолетнего от родителей к кому-то может квалифицироваться вплоть до похищения со стороны того, кто его примет, а со стороны ребёнка как побег из дому, то при наличии сообщения о семейном насилии со стороны родителей оно обязательно учитывается при рассмотрении такого ухода. Это нам пригодилось, когда родители пытались представить произошедшее как «пропажу ребёнка» и запугивать родителей одноклассницы.

Строго формально – если ребёнок в такой ситуации приходит за помощью домой к кому-то из знакомых – об этом необходимо уведомить районную службу по делам детей, которая, вместе с другими заинтересованными службами (школой, полицией) принимает решение о его дальнейшем проживании.

Кстати, на этом этапе пастор, известный своим характером, сделал самую большую свою глупость в этой истории – на ближайшем служении он публично объявил об отлучении девушки от церкви. Если у неё ещё сохранялись какие-то иллюзии в отношении данной религиозной организации, то только до этого момента.

С пострадавшей пообщался наш психолог, который пришел к выводу, что она полностью адекватна и способна к здравым оценкам и самостоятельным решениям.

Далее последовало разбирательство в райотделе, с участием сотрудников ювенальной превенции и социального педагога школы. Под давлением перспективы изъятия ребёнка из семьи мама подписала, хотя и крайне неохотно, обязательство, которым «легализовывалось» право дочери общаться с подругами и молодым человеком, родители обещали не принуждать её против воли к посещениям церкви и к ритуалам экзорцизма. Отмечу, что за годы моей работы журналистом по криминальной хронике это была самая оригинальная объяснительная в райотделе – «обязуюсь впредь не создавать конфликтных ситуаций в семье, в частности не гонять беса». На этих условиях девочка возвращалась домой.

К сожалению, спустя приблизительно два месяца мать снова сорвалась сначала на оскорбления и скандалы, а затем и на рукоприкладство. Тут уже нам пришлось настоять на праве девушки из такой семьи уйти, и гос. службы с нами согласились.

В целом ювенальная превенция, служба по делам детей и социальный педагог в этом деле сработали весьма профессионально, при этом не бюрократически, приложив усилия, чтобы разбирательство не помешало выпускному, поступлению в ВУЗ и другим судьбоносным моментам.

Присутствие на стороне несовершеннолетней общественной организации, наше участие во всех разбирательствах, напоминания о конкретных нормах закона, которые должны применяться, сыграли немаловажную роль, мотивируя госслужащих и придавая уверенности в себе самой пострадавшей. Педагоги и соцработники сами отмечали, что её характер за эти месяцы очень сильно закалился. Если в начале нашего знакомства это было робкое, нерешительное и совершенно беспомощное создание, то через три месяца она твёрдо выдерживала любое давление и угрозы взрослых даже без нашей помощи.

Этап социализации

Положение пострадавшей осложнялось тем, что её социализация оставалась на очень низком уровне – до 17 лет из дому она ходила только в школу и в церковь, и читала вне школьной программы только Библию и культовую литературу. Сектантское воспитание накладывалось на качество нынешней школьной программы - например, только сейчас, по нашей рекомендации, девушка узнала о существовании К. Г. Паустовского и открыла для себя его прозу, к своему восхищению. Как мы убедились, даже на родной улице она уже не знала, что расположено чуть дальше школы.

Для наработки уверенности в себе и необходимых социальных навыков, при поддержке главного редактора одной из городских газет, пострадавшая была устроена на стажировку в редакцию, получила удостоверение журналиста. Причём мы старались брать её именно на те интервью и репортажи, которые могли дать ей необходимые в её ситуации знания, практические навыки и знакомства.

Однако попытки вколотить религиозные убеждения привили девушке стойкую аллергию на религию в целом. Если в начале нашего общения она проявляла к христианству искренний интерес, просто не хотела регулярно получать по лицу, то после всех рецидивов со стороны родителей и их поддержки пастором, о вере она не хочет даже слушать. Православный священник, беседу с которым мы организовали, её заинтересовать не смог.

Сейчас, с достижением нашей протееже совершеннолетия, мы считаем, что основную свою работу выполнили, и поддерживаем с ней уже скорее дружеский контакт. И эту историю, хотя и без имён, я излагаю, разумеется, с её согласия. Девушка поступила учиться на избранную специальность, на бюджет, что у нас непросто, регулярно посещает психолога, живёт самостоятельно. Поскольку ей более всего в церкви нравилось заниматься в воскресной школе с детьми, она сейчас начала работать репетитором.

Есть, конечно, неизбежные болезни роста, запоздалая социализация, и сложности самостоятельного вхождения во взрослую жизнь, приобретения ряда необходимых знаний и навыков, и мы руку с пульса не убираем. Но это уже другая история.

Выводы

Оглядываясь на проделанную работу и резюмируя, можно выделить следующие факторы, облегчившие успешный уход из секты и реабилитацию пострадавшей:

- Наличие круга друзей и родственников вне секты. Которые оказывали ей не только моральную поддержку, но девочка знала, что ей есть куда уходить. Именно среди них нашлись и общие знакомые с сотрудниками нашего центра.

- Роль школы: наличие какого-никакого светского образования, прививавшего зачатки научного мышления и критического отношения к «демонологии» и другим мистическим доктринам культа; опытный, высококвалифицированный и равнодушный социальный педагог.

- В результате – осознанный собственный выбор самой пострадавшей обратиться за помощью, который стал решающим для развития этой истории.

- Нам удалось завоевать и на протяжении всей этой непростой истории сохранить доверие пострадавшей, поскольку мы не предпринимали никаких действий без её согласия – даже когда её позиция не казалась нам правильной и юристы настаивали на более решительных действиях.

- После обращения - эффективная работа государственных служб (ювенальной превенции, службы по делам детей района, социального педагога школы).

- Наше присутствие на стороне ребёнка при разбирательствах во всех службах – позволяло юридически грамотно сформулировать её позицию, корректировать принимаемые решения именно в её интересах и противостоять давлению. Она не оставалась беззащитной один на один со взрослой государственной машиной.

- Эффективная работа и консультации юристов, которые помогают нашей организации, позволили выработать правильный алгоритм действия на все возможные варианты развития событий.

Факторы, которые мешали нашей работе:

- Слабая социализация ребёнка из сектантской семьи, отсутствие необходимых знаний, навыков и воли для самостоятельной защиты своих прав.

- Неготовность патрульной службы полиции к эффективному решению семейных конфликтов.

- Психологическая предрасположенность взрослых поддерживать в конфликте взрослых же. Только после общения с нами и подробного рассказа пострадавшей о ситуации в семье, позиция госслужащих менялась.

Факторы, которые не позволили сохранить семью (считаю это нашей неудачей):

- Позиция пастора, отлучившего девочку от секты и давшего матери установку «с этого момента она тебе больше не дочь, обратно её не принимай».

- Предубеждение мамы против обращений к семейному психологу, нежелание обращаться за помощью к кому-либо при зашедших в тупик семейных конфликтах.

Надеюсь, кому-то из коллег окажется в их практике полезным наш опыт, в том числе и наши ошибки.